

УДК 316.354:355.1

Социокультурные реконструкции образа Великой Отечественной и Второй мировой войны: борьба дискурсивных интерпретаций**Корнилов П.А.**

Кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и социологии Казанского национального исследовательского технологического университета

Исследованы реконструкции образов Великой Отечественной и Второй мировой войны в современной социокультурной реальности. Представлены новые методы изучения символизации военных конфликтов в дискурсах массовой коммуникации. Проведен социоментальный анализ дискурсивной борьбы за переинтерпретацию исторических событий войны.

Ключевые слова: образ войны, реконструкции.

Для российского общества память о Великой Победе и символы с ней связанные являются сакральными и потому неприкосновенными. Они давно уже вошли в менталитет нации, став одним из краеугольных камней национального сознания. Поэтому всякое посягательство на них воспринимается в общественном сознании как святотатство и оскорбление. Наши ментальные исследования только подтверждают данные тенденции. В ответ на попытки дискредитации Великой Отечественной войны российское общество все больше приходит в движение. Празднования годовщин Великой Победы в России становятся все более масштабными, хотя и население, вроде как сокращается и время уводит нас от событий 1945-го года все дальше, однако прошлое не забывается. «В России в праздничных мероприятиях по случаю Дня Победы участвовали около 8,6 млн. человек. Это – почти на миллион больше, чем в прошлом году. Самые многочисленные праздничные акции и народные гулянья прошли в Центральном федеральном округе – в них приняли участие 2,4 млн. человек, Приволжском – 1,5 млн. и Сибирском – 1 млн. человек. В общей сложности праздничные мероприятия прошли 9 мая в почти 4 тыс. городах и населенных пунктах» [1]. Военная реальность общества существует не только на полях сражений, но и продолжается в символах и ритуалах, в которых участвуют миллионы людей. На последних празднованиях миллионы людей по всей России и миру собирает символическая акция «Бессмертный полк».

Фактически война в энергосимволическом пространстве продолжается всегда и порой очень упорно. В данном процессе кроется не только поиск исторической правды, о которой так много говорится, но и попытка изменения ментальной реальности войны, а с ней и современной социальной действительности. В настоящее время некоторые историки весьма красочно и специфично описывают события Второй мировой и Великой Отечественной войны. «Едва ли хоть один гражданский избежал смерти от рук русских солдат. Женщин распинали на дверях сараев и перевернутых телегах, или, изнасиловав, давили гусеницами танков. Их детей тоже зверски убили. Сорок французских военнопленных, работавших на окрестных хуторах, предполагаемые освободители расстреляли. Та же судьба постигла и признанных немецких коммунистов» [2]. Данная публикация, широко представленная в Интернете, является выдержкой из книги Макса Гастингса «Армагеддон: битва за Германию, 1944-1945» ('Armageddon: The Battle For Germany 1944-1945'). Автора называют одним из самых выдающихся военных историков Британии.

Зверствам советских солдат в авторской интерпретации уделяется повышенное внимание, все расписывается в ярких красках и леденящих душу подробностях. Главная идея, которая проводится подобными историками: «Действия красноармейцев не были проявлением бессмысленной жестокости – это был методичный садизм, не уступающий

действиям самих нацистов» [2]. Между нацистами и советскими солдатами ставится знак равенства. Яркое описание многочисленных ужасов не должно оставить сомнений, что речь идет о системе красного садизма, доведенной до абсолютных степеней.

На основании чего делаются английским историком подобные заключения? Он опирается на советские документы, приказы, распоряжения, которые предписывали проведение подобных актов насилия? Нет, выводы умозрительны, а источники сомнительны. Умозаключения сделаны, в первую очередь, на данных с той самой нацистской стороны, правдивость которых не подвергается никаким сомнениям.

В самом деле, нацистский проект насилия предусматривал уничтожение одних расово неполноценных народов и превращение в рабов других. На Нюрнбергском процессе в разделе «Сознательное применение доктрины» все это было расписано и подтверждено документально, в том числе и то, что нацистское насилие носило целенаправленный системный характер, а не было инициативой отдельных не в меру ретивых эсесовцев. Прозвучала правда не только о концлагерях и массовых расстрелах, но и многих других плановых мероприятиях, которые носили ярко выраженные садистские черты. В Германию было направлено 7 млн. рабов из СССР. В чешской деревне Лидице убили всех мужчин, а женщин отправили в концлагерь.

Довести свою доктрину до логического завершения нацистам помешало только поражение в войне. Если же у советской стороны была аналогичная система насилия, то ведь ничто ей помешать не могло. Откуда же до сих пор существует свободная независимая Германия и такой же немецкий народ? Подобные нестыковки не смущают тех, кто любой ценой стремится опорочить память воинов-освободителей и поставить их на одну доску с нацистскими преступниками. Данные реконструкции имеют мало отношения к реальной истории, в них ведется борьба за ее новую образную интерпретацию. Речь идет не об историческом познании, а о ментальной войне, символия ВОВ, которая для российского общества и миллионов людей во всем мире стала священной, подвергается яростной информационной, психологической и символической атаке.

При конструировании таких образов легко осуществляются переходы от описаний Красной армии как методичной садистской машины, превосходящей нацистскую по своим масштабам и задачам, до картин пьянства, необузданной жестокости и недисциплинированности. Абсурдность подобных реконструкций выявляется при элементарном качественном и логическом анализе. Дисциплинированная, отлично вооруженная и оснащенная немецкая армия потерпела поражение от необузданной пьяной орды красноармейцев?! Тем самым нам говорят, что

хаос, недисциплинированность, разврат и пьянство в войсках – это не недостаток, а преимущество. Наверное, если бы солдаты в гитлеровских войсках перестали подчиняться приказам и стали устраивать массовые запой, то смогли бы рассчитывать на победу.

В отечественном социокультурном и символическом пространстве появляются такие книги, как «Война», вышедшая в серии «Антология наших заблуждений». Данная псевдоэнциклопедия посвящена не военным конфликтам древности и не современным, а той единственной борьбе, которая вошла в менталитет нашего народа. Во введении к данной работе говорится: «В советское время политизированность исторической науки была главным источником многочисленных заблуждений, касающихся истории Второй мировой войны в целом и Великой Отечественной войны в частности. Она нашла отражение в искаженной трактовке событий и личностей. Именно господствовавшая в недавнем прошлом идеологическая предвзятость в значительной мере подсказывала сюжеты для данной книги. Неслучайно во многих оценках акценты изменены, иногда изменены кардинально – с позитивного на негативный, или наоборот. При этом авторы старались не оказаться в плену необоснованной сенсационности и тем более карикатурности в изображении событий, большая часть которых является трагическими» [3, с. 3-4]. На деле это означает полное разрушение советской мифологии Великой Отечественной войны и последовательную дискредитацию ее базовых символов, которые являются важной частью ценностного поля российского менталитета.

Книга содержит 56 статей, среди которых – «Оборона Брестской крепости», «Матч смерти», «Нюрнбергский процесс. Малоизвестное» и т.д., в общем, все основные элементы символической картины войны, сложившейся в народном сознании. Все эти базовые символы получают новое звучание, часто с переменной знака с плюса на минус.

Сами авторы признаются, что в этих небольших статьях они не могут дать все дискуссионные точки зрения. Поэтому они дают просто противоположный или отличающийся от общепринятого взгляда. Конечно, подразумевается, что официальную точку зрения все итак хорошо знают, и вроде бы вот вам и альтернативная. Но так не получается, по факту, по структуре, по характеру изложения выходит, что прежнее понимание событий – это миф, а то, что этому противопоставляется и есть подлинная история. На самом же деле, и то, и другое представляют собой символические реконструкции и мифологические интерпретации, опирающиеся на одни и те же данные и имеющие право на существование.

Насчет того, что авторы не хотели карикатурности, может и правда, но кто-то снабдил статьи рабо-

ты именно карикатурами, так что злой смех звучит на всю катушку, причем в отношении символов священных для нашего народа. Заметим, что карикатуры на пророка Мухаммеда, как святой образ для ислама, чуть не привели к столкновению цивилизаций, о которой писал С. Хантингтон.

Карикатурное сопровождение – очень интересное, на нем можно увидеть рабовладельческий дискурс с апелляцией к истории цивилизаций. На переднем плане – бедная старушка несет на своих руках здоровенный камень, а какой-то дед большой мешок, где-то вдалеке сгорбленные люди толкают тачки с горами сыпучих материалов. Все это проходит под контролем крупных дядек в советской форме. Вдалеке виднеются какие-то трубы, пирамиды, так что все это несколько напоминает строительство пирамид где-нибудь в Древнем Египте [3, с. 28]. Данный ментальный образ мне как исследователю хорошо знаком.

В статье сообщается: «Оказывается, была и такая категория людей, также работавших по принуждению, но только уже не в Германии, а в Советском Союзе». В заключение делается вывод: «Таким образом, нацистский эксперимент по использованию принудительного труда иностранных граждан был успешно применен в СССР» [3, с. 31]. Удивительно, с какой легкостью ставится знак равенства между такими явлениями, как остарбайтеры и вестарбайтеры. Игнорирование ментальной составляющей проблемы позволяет делать выводы только на основании внешних признаков.

В результате получается, что насильниками-рабовладельцами были советские люди, а не нацисты. Вот и нужный образ, воспоминания такой «рабыни», о нечеловеческом рабском труде. «На кирпичном заводе мне все время доставалась работа потяжелее. Я должна была таскать до 20 кг кирпичей за раз. Сама я весила 42 кг. Однажды я упала в обморок... В сентябре 1946 года я была настолько слаба, что была отобрана в следующий по счету транспорт» [3, с. 30]. Иными словами, последнее означает, что ее вернули назад, на родину. Заметим, не расстреляли, не забили до смерти, а специальным транспортом нетрудоспособных отправляли в Германию, а на их место набирали новых из лагерей военнопленных. Что происходило в аналогичных случаях в концлагерях?! Вопрос, очевидно, риторический.

В военный и послевоенный период абсолютное большинство советского населения, мягко говоря, не получало полноценного калорийного питания, и, вряд ли даже представляло каким оно должно быть. Страна жила по карточкам, без деликатесов, и еды хватало только разве чтоб выжить и «не протянуть ноги». Многие из них и мечтать не могли о питании, которое имели т.н. «вестарбайтеры», тем более трехразовом. Для того, чтобы понять всю необоснованность подобных претензий, достаточно

ответить на простые вопросы. Сколько от голода и болезней вследствие скудного обеспечения в годы ВОВ в СССР умерло народа? В той же оккупационной зоне, где население никто никаким пропитанием не обеспечивал, а наоборот создавал ситуацию искусственного голода? У нас об этих цифрах обычно и не вспоминают, потому что это – не прямые потери от войны. В условиях, когда тысячами мучили и расстреливали стариков, женщин и детей, те, кто голодал, воспринимались просто как счастливики, ведь у них был шанс выжить. То, что у них о зверствах рассказывают единицы, у нас могут повторить тысячи и миллионы.

Саму победу можно считать чудом, если учесть то бедственное положение, в котором оказалась Красная армия перед войной и вся советская страна во время войны. Немецкая армия к началу боевых действий и долгое время после была лучшей в мире, за всю войну у гитлеровского командования не было серьезных военных просчетов. Людей можно заставить силой и угрозами двигаться, но сделать так, что они будут воевать и работать на фронт с полной отдачей, не жалея себя, невозможно. Только когда ментально общество признает войну праведной, только тогда в нем пробуждаются сверхресурсы и сверхсилы вести ее до победного конца, столько, сколько потребуется, и заплатить за это любую цену. Такая война поднимается на высший уровень менталитета, ментал и обретает сакральный характер. Именно так произошло с Великой Отечественной войной, для советского народа она стала священной, а для германского и его сателлитов нет, несмотря на все усилия фашистской пропаганды. Разница в уровнях и предопределила победу, у того, кто находится на более высоком – больше мотивация, выше настрой на победу, а с ними гораздо больше сил и энергии.

Реальная война неизбежно отражается в ментальном пространстве и продолжается в нем во множестве образов, дискурсов и смысловых интерпретациях. Если даже существующие захоронения и памятники раскапываются, переносятся, оскверняются или вовсе уничтожаются, то, что это значит? Большой общественный резонанс вызвал демонтаж в Эстонии памятника Воину-Освободителю, т.н. «Бронзового солдата» и раскоп захоронений под ним на площади Тынисмяги в центре Таллина. В ответ на эту показательную акцию в канун празднования Великой Победы массовые беспорядки охватили не только столицу, но и другие города Эстонского государства. Полиции пришлось жестоко подавлять выступления противников переноса памятника.

Гораздо больший резонанс и негативную реакцию эти действия вызвали в России и других странах СНГ. «Необычную акцию протеста провели неизвестные возле консульства Эстонии в Пскове. Сегодня днем у здания консульства несколько человек поставили пустой гроб и бросили два заряда

пиротехники. По информации псковских правоохранительных органов, несанкционированное пикетирование пытались провести 30 молодых людей, у которых лица были закрыты белыми платками. Участники акции намеревались развернуть плакаты с очень жесткими лозунгами.

Казаки Ставропольского округа Терского казачьего войска намерены провести акции, которые помешают реализации эстонских товаров, заявил сегодня атаман войска Михаил Серков в обращении, поступившем в местные СМИ. "В связи с актом вандализма в отношении праха воинов-освободителей Таллина и грубым поведением правительства Эстонской Республики в отношениях с местным русским населением казачество Ставропольского округа глубоко возмущено поведением правительства Эстонии и выражает поддержку действиям руководства России", – говорится в заявлении атамана» [4]. Официальные эстонские сайты оказались заблокированы из-за многочисленных хакерских атак, а эстонские товары подвергаются бойкоту.

Улицы эстонских городов после столкновений демонстрантов с полицией выглядят, словно после боевых действий. И все это из-за символа войны, которая вроде бы давно закончилась, но достаточно прикоснуться к ее символике и массы стихийно или организовано приходят в движение. В Интернете даже появились призывы к русскоязычному эстонскому населению создавать армию и бороться за создание независимого русского государства на территории Эстонии. Получается, что символическая искра старой войны может породить новую. Во всяком случае, можно с полным правом констатировать, что правовая, экономическая, символическая и другие войны идут полным ходом.

После того как эстонский кондитерский концерт «Калев» стал терпеть убытки из-за отказа от закупок его продукции российской стороной были обнародованы возможные ответные шаги торговой войны. «Эстонский "Бронзовый солдат" может вскоре стать маркой пива или чего-нибудь покрепче. Об этом намерен позаботиться предприниматель Алар Пинк, работающий директором по сбыту кондитерского концерна "Калев". Оказывается, еще около года назад принадлежащая ему фирма "Мозаик" подала заявку на регистрацию торгового знака "Пронксыдур" /эстоноязычная версия "Бронзового солдата"/. Согласно заявке, этим торговым знаком он намеревается маркировать самые разные товары: от алкогольных напитков и пива до одежды и учебных принадлежностей» [5]. Война в ментальном пространстве способна расщепляться и продолжаться в самых разных социальных измерениях и формах.

Возникают интересные вопросы, это все Великая Отечественная война в новых социоментальных взаимодействиях или все же совершенно иные

конфликты, не имеющие прямой связи с прошлым? Можно было бы посчитать, что перенос памятника – только предлог для сведения политических, экономических и прочих счетов, а о самой войне как таковой речь не идет.

Однако ситуация с эстонским памятником сама получает дальнейшее продолжение, она начинает повторяться и множиться. Сначала Польша, а потом и во Львове – на Западной Украине власти заявили о намерении аналогичного демонтажа памятников воинам-освободителям под предлогом уничтожения символов тоталитарной эпохи.

В серьезности подобных заявлений не приходится сомневаться, в том же Польском государстве в музее Освенцима закрыта «Национальная экспозиция СССР». «Национальная экспозиция СССР была открыта в 1961 г. Ее модернизировали накануне 60-й годовщины освобождения узников лагеря.

Придя к власти, партия «Закон и справедливость» братьев Качиньских занялась перекраиванием истории, не оставив без внимания и музей в Освенциме. Сначала там сменили многолетнего директора, затем обратились в ЮНЕСКО о переименовании музея. Теперь началась борьба с самой историей.

Появились претензии к российской стороне в завышении числа жертв концлагеря, неточном названии населенных пунктов, из которых узники прибывали в Освенцим, в их неправильном определении, то есть они были выходцами из Польши, оккупированной СССР по пакту Рибентропа-Молотова» [6]. Заметим, что именно советские солдаты освободили когда-то этот нацистский лагерь смерти, но об этом сейчас лишние раз стараются не вспоминать.

В настоящее время ведется борьба за переинтерпретацию Второй мировой и Великой Отечественной войны. Демонтаж памятников является лишь фрагментом общей тенденции активных попыток пересмотра ментально-исторической реальности, многим не нравится то место, которое в ней по праву преемственности от СССР занимает Россия. Западноевропейские страны, с одной стороны, искренне возмущены, заявлениями президента Ирана, в которых он отрицает Холокост, а с другой, они отказались от единодушного категорического осуждения действий эстонских властей, высказав лишь некоторую озабоченность.

В эпоху постмодернизма нормой стало появление всевозможных исторических реконструкций. История перестала быть духовной реальностью и потеряла свой стержень. Войны прошлого и настоящего рассыпаются на множество дискурсов и образов [7]. Они дробятся и умножаются в символической и дискурсивной реальности массовых коммуникаций в широком диапазоне от общих до самых специфических [8]. Однако в калейдоскопе образов общество и человек рискует потерять себя, оказавшись в плену псевдореальности.

Исторические образы утрачивают свою мощную воспитательную и социализирующую роль. Вместо единой истории остаются ее версии и реконструкции. Подобная ситуация создает «королевство кривых зеркал» в социокультурной реальности. Постмодернистская наука не в силах ничего противопоставить данным деструктивным тенденциям. Выход лежит в методологии менталологии и ментальном подходе в области социально-исторических наук и социогуманитарного знания в целом [9]. Ментальный анализ позволяет вернуться к историческим и военным образам как духовным социокультурным феноменам. Возвращение к истории и обществу как к ментальной и духовной реальности видится наиболее актуальной задачей в области гуманитарных наук и дисциплин на настоящем этапе.

Литература:

1. В праздновании Дня Победы участвовали 8,6 млн. россиян. – URL: <http://www.rambler.ru/news/russia/greatvictory/10330162.html> (свободный).
2. Варвары («Daily Mail», Великобритания). – URL: <http://inosmi-back.rian.ru/print/213942.html> (свободный).
3. Темиров Ю.Т., Донец А.С. Война. – М.: Изд-во Эксмо; Донецк: Изд-во СКИФ, 2005. – 320 с.
4. Хроника битвы за Бронзового солдата. – URL: <http://www.rambler.ru/news/politics/balticstates/10274283.html> (свободный).
5. Из «Бронзового солдата» планируют торговую марку пива. – URL: <http://www.rambler.ru/news/events/greatvictory/525849258.html> (свободный).
6. Музей в Освенциме остался без экспозиции СССР. – URL: <http://www.rambler.ru/news/events/museums/10079767.html> (свободный).
7. Корнилов П.А. Образ войны за углеводородные ресурсы в средствах массовой коммуникации // Вестник КГТУ. – 2011. – № 2. – С. 213-225.
8. Корнилов П.А., Ганин Е.А. Образ войны и нанотехнологии в современном социокультурном табуировании // Вестник КГТУ. – 2012. – № 24. – С. 171-179.
9. Корнилов П.А. Война и насилие: методология социоментального исследования. – Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2007. – 196 с.

Social and Cultural Reconstruction of the Image of Great Patriotic War and the Second World War: Discursive Struggle of Interpretation

P.A. Kornilov

Kazan National Research Technological University

The paper touches upon the reconstruction of images of the Great Patriotic War and World War II in contemporary social and cultural reality. The author presents new methods for studying the symbolism of military conflict in the discourse of mass communication. A socio-mental analysis of the discursive struggle for reinterpretation of the historical events of the war was carried out.

Keywords: image of the war, reconstruction.

